

М.А. Дмитриев

**Мелочи из запаса маей
памяти**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.А. Дмитриев**
Мелочи из запаса маей памяти / М.А. Дмитриев – М.: Книга по Требованию,
2019. – 176 с.

ISBN 978-5-518-08932-7

ISBN 978-5-518-08932-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

эта рѣзкость сопровождалась грубостію; а Сумароковъ былъ дерзокъ, но остеръ: выпрыгнулъ былъ на сторонѣ послѣдняго! Иногда, говорилъ мой дѣдъ, ихъ нарочно сводили и приглашали на обѣды, съ тѣмъ, чтобы сравить ихъ. Таковъ былъ вѣкъ!

Съ Сумароковымъ были знакомы, въ своей молодости, мой дѣдъ и моя бабка. Родной братъ ея—Никита Аванасьевичъ Бекетовъ, будучи еще кадетомъ, представлялъ на сценѣ Кадетскаго Корпуса Семиру Сумарокова и понравился Елизаветѣ. Потомъ дѣдъ мой, живучи въ Петербургѣ и служа въ гвардіи, былъ коротко знакомъ съ Орловыми: все это было еще при Елизаветѣ, прежде ихъ извѣстности. По этимъ связямъ и знакомствамъ ему часто случалось бывать вмѣстѣ съ Сумароковымъ. Судя по его словамъ, Сумароковъ очень любилъ блистать умомъ и говорить остроумія, которыя нынче, вѣроятно, не казались бы остроуміями; и любилъ умищать, что тогда принималось за умъ, а нынѣ было бы очень скучно! на примѣръ, однажды за столомъ у моего дѣда подали кулебяку. Онъ, какъ будто не зная, спросилъ: «какъ называютъ этотъ пирогъ»?—«Кулебяка!» — «Кулебяка! повторилъ Сумароковъ: какое грубое названіе! а вѣдь вкусно! Вотъ такъ-то иной человѣкъ по наружности очень грубъ, а распознай его: найдешь, что пріятенъ!» Замѣчаніе очень обыкновенное, котораго онъ однако не примѣнялъ къ Ломоносову!

Успѣхи Н. А. Бекетова при Дворѣ продолжались не долго; Императрица никогда не забывала его, обогатила и дала ему земли и деревни близъ Царицына, въ Астраханской губерніи. Тамъ была у него великолѣпная деревня *Отрада*, съ виноградными садами, мраморными водоемами, роскошной мельницей, въ которой не было ни малѣйшаго стука, ни малѣйшей пыли, и стояли краснаго дерева ломберные столы для игры въ карты; наконецъ ему же принадлежали богатые рыбныя ловли на Волгѣ, отъ которыхъ произошла Бекетовская икра, нѣкогда знаменитая. При Екатеринѣ онъ былъ астраханскимъ губернаторомъ и много содѣйствовать къ устройству тамошняго

края. Между прочимъ при немъ заведена и устроена знаменитая колонія гернгутеровъ, или моравскихъ братьевъ, подъ названіемъ: *Сарепта*. Онъ былъ пріятный стихотворецъ, написалъ много нѣжныхъ пѣсень. Онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ вѣреннаго ему края, любимъ и уважаемъ, и родными и чужими. Умеръ 1794 года. Племянникъ его И. И. Дмитріевъ написалъ къ его портрету извѣстную надпись, которая заключаетъ въ себѣ самую правду:

Воспитанникъ любви и счастья богини,
Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ;
Другихъ обогащалъ, а самъ, какъ стопкъ, жилъ,
И умеръ посреди безмолвныя пустыни!

Никита Аѳанасьевичъ, командовавшій полкомъ, на Цорндорфскомъ сраженіи, былъ взятъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ гр. Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, и содержался въ Кистринѣ; объ этомъ была сложена пѣсня, которая долго пѣлась въ народѣ, и была помѣщена въ пѣсенникѣ Чулкова. Я помню изъ нея нѣсколько стиховъ.

Какъ возговоритъ Прусской Король:
Ой ты гой еси Россійской Графъ
Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ,
Со своимъ ли сотоварищемъ,
Со Никитой Аѳанасьичемъ
По фамиліи Бекетовымъ!
Послужите мнѣ службу вѣрную,
Какъ служили вы Монархинѣ!
Какъ возговоритъ Россійской Графъ
Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ:
Послужу я тебѣ службу вѣрную,
Что своей ли саблей острою,
На твою ли шею толстую!

Отецъ его, Аѳанасій Алексѣевичъ *Бекетовъ*, служилъ гдѣ-то воеводой. При Екатеринѣ вышелъ онъ въ отставку и пріѣзжалъ въ Петербургъ поблагодарить Государыню. Она его спросила: «А много ли ты, Аѳанасій Алексѣевичъ, нажилъ на воеводствѣ?» — «Да что, матушка Ваше Величество! нажилъ дочери приданое

хорошее: и парчевыя платья, и шубы; все какъ слѣдуетъ!» — «Только и нажилъ?» — «Только, матушка! И то слава Богу!» — «Ну, добрый ты человекъ, Аванасій Алексѣевичъ! Спасибо тебѣ!» Тѣмъ и кончилась аудіенція. — Надобно замѣтить, что тогда отправляли на воеводство — покориться. Это былъ употребительный терминъ, такъ что даже просились на воеводство покориться.

У меня есть приданая роспись моея бабки. Какъ любопытно въ ней видѣть, какія платья и другіе предметы входили тогда въ приданое. А между тѣмъ, при этомъ роскошномъ приданомъ, дано всего двѣ тысячи рублей на *покупку имѣнія*. Слѣдовательно каковы были цѣны! Должно думать, что это приданое, истинно великолѣпное, не стоило и двухъ тысячъ. Я обязанъ этимъ документомъ г. профессору Капитону Ивановичу Невоструеву, который отыскалъ его въ старинной крѣпостной книгѣ одного архива.

Возвращаясь къ Сумарокову. Нигдѣ такъ хорошо не изображенъ его характеръ, какъ въ біографіи его, напечатанной чрезъ три мѣсяца послѣ его кончины, въ Санкт-Петербургскомъ Вѣстникѣ, подъ заглавіемъ: «Сокращенная повѣсть о жизни и писаніяхъ господина Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Св. Анны Кавалера Александра Петровича Сумарокова!» — Вотъ что тамъ сказано: «Что касается до свойствъ его души, то кажется, онъ былъ «весьма добраго сердца; но безмѣрная чувствительность, качество «нужное стихотворцу, которое однакожъ должно обуздывать «благоразуміемъ, была виною сего крутаго и горячаго нрава, который всѣхъ, имѣющихъ съ нимъ союзы, а больше его самого, «терзалъ. Склоненъ, сколько благодѣтельствовать, столько и «мстить, не могъ никогда позабыть ни одолженій, ни обидъ, ему «учиненныхъ. Притворства и коварствъ ненавидя, былъ друзьямъ «вѣрный другъ и не умѣлъ сокрывать злобы противу враждующихъ ему. Нетерпѣливъ въ желаніяхъ и нѣсколько въ оныхъ без- «мѣренъ, малѣйшее препятствіе, смертельно огорчая его, пред- «ставляло ему часто самое ничто великимъ злосключеніемъ. Сла- «венъ, осыпанъ благодѣніями монаршими, могъ бы онъ быть «блаженъ, если бы умѣлъ. Гнушааясь всякой низости души, былъ

«онъ снисходителенъ къ утливимъ, но гордъ противу гордыхъ. Имѣлъ онъ высокое мнѣніе о званіи и достоинствѣ прямаго стихотворца; и для того не могъ съ терпѣніемъ видѣть, что сія благородная наука, въ которой упражнялись Гомеры, Софоклы, Мароны, Вольтеры (*), и прочіе великіе люди, почитаемые отъ вѣка всѣми народами, была оскверняема руками людей, не имущихъ ни ума, ни сердца!»

Вотъ какъ говорится тамъ о послѣднемъ времени его жизни и о его невоздержности: «Послѣднее время жизни своей проводилъ онъ почти въ недѣйствиіи. Неумѣренность его (прости мнѣ, о тѣбѣ, любезная музамъ, мое чистосердечіе, ты, который столько истины вмѣщалъ въ своихъ стихахъ для наставленія челоувѣковъ! Позволь вѣщающему о тебѣ быть тебѣ достойнымъ, и неумолчаіемъ прискорбной истины засвидѣтельствовать свѣту нелицемѣріе похвалъ, принесенныхъ мною твоимъ достоинствамъ и великимъ дарованіямъ!) невоздержность его была вѣщною причиною его болѣзни, снѣдавшей его медлительно, и наконецъ преждевременной его смерти, приключившейся 1 Октября 1777 года». (А это все напечатано въ генварѣ 1778. Стран. 39).

Дядя мой помнилъ Сумарокова. Подъ конецъ своей жизни Сумароковъ жилъ въ Москвѣ, въ Кудринѣ, на нынѣшней площади. Дядя мой былъ 17 лѣтъ, когда онъ умеръ. Сумароковъ уже былъ преданъ пьянству безъ всякой осторожности. Не рѣдко видалъ мой дядя, какъ онъ отправлялся тѣшкомъ въ кабакъ чрезъ Кудринскую площадь, въ бѣломъ шлафрокѣ, а по камзолу, черезъ плечо, Анненская лента. Онъ женатъ былъ на какой-то своей кухаркѣ, и почти ни съ кѣмъ не былъ уже знакомъ.

Есть люди, которые могутъ дѣлать все безнаказанно; это, во-первыхъ тѣ, для которыхъ нѣтъ общественнаго мнѣнія; во-вторыхъ, тѣ, для которыхъ нѣтъ потомства. Но стихотворецъ, самый плохой, не уйдетъ отъ его суда. Если онъ только печаталъ, то вспомнится его имя, а имя напомнить, что онъ былъ. Даже о

(*) Вольтеръ непремѣнно тутъ! О вѣкъ!

Тредьяковскомъ, а въ наше время о графѣ Хвостовѣ, писали и печатали; а кто напишетъ и что написать о худомъ воеводѣ? Отъ того-то стихотворцы, вообще взятые, лучше другихъ людей; они у всѣхъ на виду, на нихъ есть судъ современниковъ, для нихъ есть потомство!—Они и потому лучше, что истинная поэзія требуетъ благороднаго сердца; а требуетъ ли его математика? — Математикъ можетъ быть порочнымъ, невѣрующимъ, и все оставаться хорошимъ математикомъ; а въ поэтѣ — вмѣстѣ съ низкимъ порокомъ упадетъ его дарованіе.

Богдановича видалъ мой дядя у Державина и въ другихъ петербургскихъ обществахъ. Онъ былъ чрезвычайно скроменъ и молчаливъ. Являлся на вечера, всегда очень опрятно и хорошо одѣтый, въ французскомъ кафтанѣ, щеголевато напудренный, съ кошелькомъ, съ плоской тафтяной шляпой подъ мышкой. Говорилъ осторожно и разыгрывалъ дипломата: онъ тогда служилъ въ Иностранной Коллегіи. Предметомъ его разговора было всегда нѣсколько словъ о политическихъ новостяхъ, всѣмъ извѣстныхъ. Вообще, какъ человѣкъ, желавшій казаться свѣтскимъ, онъ не останавливался долго на одномъ предметѣ разговора, не вдавался въ разсужденія, не объявлялъ своего мнѣнія, ни на чемъ не настаивалъ, а скользилъ по предметамъ. О его скромной наружности и молчаливости то же самое рассказывалъ кн. Дм. Владиміровичъ Голицынъ, на одномъ изъ своихъ литературныхъ четверговъ. *Богдановичъ*, кажется, не думалъ быть авторомъ: написалъ *Душеньку* для собственной своей забавы и панечаталъ по убѣжденію пріятеля; на поприще писателя вызвалъ его успѣхъ *Душеньки*. Но послѣ ея ничто уже не далось ему, кромѣ перевода маленькой поэмы Вольтера на разрушеніе Лиссабона; этотъ переводъ теперь тяжелъ, но тогда былъ хорошъ, потому что всѣ писали такими стихами. Авторство *Богдановича* много поддерживала княгиня *Дашкова*. Но *Душенька* доставила ему сама собою повсемѣстную славу: ее читала вся Россія.

По смерти *Богдановича*, *Карамзинъ*, написавшій столь прекрасный разборъ *Душеньки*, предложилъ, въ *Вѣстникѣ Европы* (1803

Ч. 7, Февр. № 2, с. 226) русскимъ авторамъ, въ родѣ конкурса, написать эпитафію Богдановича. Эпитафіи посыпались въ Вѣстникъ Европы. Были хорошія, были и посредственныя, были и очень фигурныя. Почти во всѣхъ упоминались Амуръ и Душенька. Чтобы положить конецъ этому конкурсу, Ив. Ив. Дмитріевъ напечаталъ въ Вѣстникѣ эпиграму, подъ названіемъ: эпитафія эпитафіямъ, послѣ которой онѣ и прекратились. Вотъ она:

Прохожій! пусть тебѣ напомнитъ этотъ стихъ,
 Что все на часъ подъ небесами.
 Поутру плакали о смерти мы другихъ,
 А къ вечеру скончались сами!

Плат. Петр. Бекетовъ забывалъ часто фамилію Карновича и мѣшалъ ее съ фамиліей Богдановича. По этому-то случаю написалъ къ нему Ив. Ив. Дмитріевъ шуточные стихи, которые напечатаны въ его сочиненіяхъ, подъ названіемъ «Къ пріятелю»:

Два разные, мой другъ, прозванья, ты мѣшаешь.
 Людей, которые не сходствуютъ ни въ чемъ;
 И такъ, когда ты ихъ не знаешь,
 То я тебѣ скажу о томъ и о другомъ.
 Одинъ пріятный былъ писатель,
 Другой едва ли и читатель;
 Одинъ стихи, другой лишь вексели писалъ;
 Тотъ въ Панову свирѣль, а этотъ въ банкъ игралъ.

Лучшее изданіе сочиненій Богдановича—это изданіе Бекетова, напечатанное въ его же типографіи. Никто не издавалъ у насъ книгъ съ такимъ тщаніемъ; онъ присовокупилъ къ нему всѣ варианты автора, сличивъ разные изданія, чего у насъ никогда не дѣлается. Въ 1811 году онъ напечаталъ маленькое прекрасное изданіе Душеньки на веленовой бумагѣ, которое до выпуска въ продажу почти все погубило во время нашествія Французовъ: осталось только одиннадцать экземпляровъ, изъ которыхъ у меня три. Худшее изданіе сочиненій Богдановича—это, безсомнѣнно, Смирдинское 1848 года, который перенортилъ текстъ во всѣхъ нашихъ авторахъ. У Ломоносова, Карамзина, Капниста, Лермон-

това, словомъ у всѣхъ, гдѣ не достають стиховъ, гдѣ они переломаны, гдѣ переставлены съ мѣста на мѣсто; даже у Карамзина одинъ стихъ изъ 37 куплета попалъ впередъ въ 12. Тамъ вышло 7 стиховъ, а тутъ 9. Такія изданія—стыдъ нашихъ типографій.

Петрова дядя мой не зналъ лично, и живучи въ одно время съ нимъ въ Петербургѣ, ни разу съ нимъ не встрѣчался. Но онъ очень уважалъ его живописныя оды, его посланія, богатые мыслями, его силу ума и воображенія, не смотря на жесткость его слога. Многое въ языкѣ Петрова было упрямствомъ, напр. *морь*—вмѣсто *морей* и проч. Онъ зналъ хорошо и рускій языкъ и славянскій; зналъ основательно латинскій; въ Англии научился англійскому, нѣмецкому и французскому. Въ одахъ онъ достоинъ стоять между Ломоносова и Державина. Его переводъ Энеиды забыть отчасти по старинному языку, а болѣе потому, что у насъ все забывается. Но онъ вѣренъ. И Иліада Кострова, и Энеида Петрова, писаны шестистопными ямбами: это принадлежитъ уже ихъ вѣку. Впрочемъ Тредьяковскій такъ уронилъ гексаметры, что писать ими было бы въ то время бесполезною смѣлостью. Надобно разсматривать писателей въ отношеніи къ ихъ времени: иначе приговоръ нашъ будетъ всегда невѣренъ. Лице Петрова, судя по портрету, было благородно и величественно. Петровъ заикался. На его переводъ Энеиды Майковъ написалъ слѣдующую эпиграмму:

Сколь сила велика російскаго языка!

Петровъ лишь захотѣлъ, Вергилій сталъ заика.

Но эпиграмма вичего не доказываетъ. Петровъ все-таки былъ не Майковъ.

Алексій Ѳедоровичъ Малиновскій зналъ Петрова лично. Онъ рассказывалъ, будто Петровъ писалъ нѣкоторыя оды, ходя по Кремлю; а за нимъ носилъ кто-то бумагу и чернильницу. При видѣ Кремля онъ наполнялся восторгомъ, останавливался и пи-

салъ. Странно; но въ то же время и прекрасно: видѣть поэта, на котораго такъ сильно дѣйствовалъ напѣ Кремль, полный великихъ воспоминаній!

Петровъ былъ, говорятъ, важной наружности. Онъ учился вмѣстѣ съ Потемкинымъ и былъ до конца его жизни его другомъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ многіе его посланія и стансы, исполненные чувствъ искреннихъ, гдѣ онъ радуется его успѣхамъ, его побѣдамъ, его славѣ, отъ всего сердца, по участію дружества, а не тѣмъ торжественнымъ тономъ, который ставитъ поэта передъ вельможей и полководцемъ на разстояніи восторга и славы. Онъ писалъ къ Потемкину, провожая его въ армію:

Превыше чаяній взнесися, мой орелъ!
Ты въ поле—изъ моихъ объятій полетѣлъ!

Онъ хвалитъ въ Потемкинѣ не одного полководца, но болѣе вельможу доступнаго, человѣка просвѣщеннаго, любителя литературы и поэзіи:

Себѣ единому подобенъ,
Въ добротѣ благородство члѣтъ;
Всѣмъ равенъ, и отъ всѣхъ особенъ,
Луча снисшествіемъ не тмѣтъ!

Не тяжекъ праздныхъ словъ примѣсомъ,
Красотъ во слогѣ оныхъ примѣръ;
Когдабъ оныхъ не былъ Ахиллесомъ,
Всемѣрно былъ бы оныхъ Гомеръ!

Жаль очень, что Петровъ нынѣ забытъ; этому виною его тяжелый слогъ. Пусть не читаетъ его публика; но литераторамъ непростительно не знать его!

Кострова зналъ мой дядя лично. Но анекдотъ, написанный Д. Н. Бятышъ-Каменскимъ въ его Словарѣ, будто бы Дмитріевъ

привезъ пьянаго Кострова въ Петербургъ, совершенная небылица; а ее повторяли въ журналахъ!

Костровъ — кому это не извѣстно! — былъ дѣйствительно чело-
вѣкъ пьяный. Вотъ портретъ его: небольшого роста, головка ма-
ленькая, нѣсколько курносъ, волосы приглажены, тогда какъ всѣ
носили булки и пудрились; колѣнки согнуты, на ногахъ стоялъ
не твердо, и былъ вообще, что называется, рохля; добродушенъ
и простъ чрезвычайно, безобидчивъ, не злопамятенъ, податливъ
на все и безотвѣтенъ; въ немъ, говаривалъ мой дядя, было что-
то ребяческое. У меня есть его гравированный портретъ.

Онъ жилъ нѣсколько времени у Ивана Иван. Шувалова. Тутъ
онъ переводилъ Илиаду. Домашніе Шувалова обращались съ нимъ,
почти не замѣчая его въ домъ, какъ домашнюю кошку, къ кото-
рой привыкли. Однажды дядя мой пришелъ къ Шувалову, и не
заставъ его дома, спросилъ: «дома ли Ермиль Ивановичъ?» Ла-
кей отвѣчалъ: «дома; пожалуйста сюда!» и привелъ его въ
заднія комнаты, въ дѣвичью, гдѣ дѣвки занимались работой, а
Ермиль Ивановичъ сидѣлъ въ кругу ихъ и сшивалъ разные ло-
скутки. На столѣ, возлѣ лоскутковъ, лежалъ греческій Гомеръ,
разогнутый и обороченный вверхъ переплетомъ. — На вопросъ:
«Чѣмъ онъ это занимается?» Костровъ отвѣчалъ очень просто:
«Да вотъ дѣвчата велѣли что-то сшить!» — и продолжалъ свою
работу.

Повторяю, что анекдотъ Бантышъ Каменскаго — небылица; а
вотъ что дѣйствительно бывало. Костровъ хаживалъ къ Ив. Петр.
Бекетову, двоюродному брату моего дяди. Тутъ была для него
всегда готова суновая чаша съ пуншемъ. Съ Бекетовымъ вмѣстѣ
жилъ братъ его Платонъ Петровичъ; у нихъ бывали: мой дядя
Ив. Ив. Дмитріевъ, двоюродный ихъ братъ Аполлонъ Николаевичъ
Бекетовъ, и младшій братъ Н. М. Карамзина Александръ Михай-
ловичъ, бывшій тогда кадетомъ и приходившій къ нимъ по вос-
кресеньямъ. Подпоявши Кострова, Аполлонъ Николаевичъ ссорилъ
его съ молодымъ Карамзинымъ, которому самому было это за-
бавно; а Костровъ принималъ эту ссору не за шутку. Потомъ

доводили ихъ до дуэли; Карамзину давали въ руки обнаженную шпагу, а Кострову ножны. Онъ не замѣчалъ этого и съ трепетомъ сражался, боясь пролить кровь неповинную. Никогда не нападалъ; а только защищался.

Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ пожелалъ видѣть Кострова. Бекетовы и мой дядя принуждены были, по этому случаю, держать совѣтъ, какъ его одѣть, во что, и какъ предохранить, чтобъ не напился. Всякій удѣлялъ ему изъ своего платья, кто французскій кафтанъ, кто шелковые чулки, и проч. Наконецъ при себѣ его причесали, напудрили, обули, одѣли, привѣсили ему шпагу, дали шляпу, и пустили идти по улицѣ. А сами пошли его провожать, боясь, чтобъ онъ, по своей слабости, куда-нибудь не зашелъ; но шли за нимъ въ нѣкоторомъ разстояннн, поодаль, для того, что идти съ нимъ рядомъ было нѣсколько совѣстно: Костровъ и трезвый былъ не твердъ на ногахъ и шатался. Онъ во всемъ этомъ процессѣ одѣванья повиновался, какъ ребенокъ. Дядя мой рассказывалъ, что этотъ переходъ Кострова былъ очень смѣшонъ. Какая-нибудь старуха, увидѣвъ его, скажетъ съ сожалѣннємъ: «видно бѣдный больнехопекъ!» — А другой, встрѣтясь съ нимъ, пробормочетъ: «Экъ нахлюстался!»—Ни того, ни другаго: и здоровъ и трезвъ; а такая была походка! такъ проводили его до самыхъ палатъ Потемкина; впустили въ двери, и оставилъ, въ полной увѣренности, что онъ уже безопасенъ отъ искушеннй!

Костровъ подъ дѣйствиємъ своего упоення никогда не былъ веселъ, а болѣе жалокъ. Иногда въ этомъ положеннн, лежа на спинѣ, обращался онъ мыслию и словами къ какой-то любезной, которой, вѣроятно, никогда не было; называлъ ее по имени и восклицалъ: «гдѣ ты?—на Олимпѣ?—Выше!—Въ Эмпиреѣ? Выше!— Не постигаю!»—и умолкалъ.

Въ 1829 году была напечатана книжка подъ заглавнємъ: «Нѣкоторыя любопытныя приключення и сна, изъ древнихъ и новыхъ временъ». Я думаю, она пошла у нашихъ журналистовъ на ряду съ сонниками; но замѣчательна во многомъ для тѣхъ, которые